

20 октября 2021

«Хотел не называться, а быть»: Оперная певица рассказала о работе Хворостовского в Красноярске

Оперная певица Лариса Марзоева рассказала корреспонденту «МК в Красноярске» о начале карьеры легенды мировой оперной сцены Дмитрия Хворостовского в Красноярском государственном театре оперы и балета, который теперь носит его имя, а также о 33-летней дружбе с великим баритоном. 16 октября Хворостовскому могло исполниться 59 лет.

Знаменитая советская и российская оперная певица и педагог, Народный артист России Лариса Марзоева, которая была партнером по сцене и другом Дмитрия Хворостовского, рассказала о начале творческого пути великого баритона. Символично, что беседа проходила перед зданием Красноярского театра оперы и балета, который теперь носит имя Хворостовского и где певец начинал свою карьеру.

– Лариса Владимировна, вы помните Дмитрия Хворостовского еще студентом. Каким он был?

– Дима пришел в театр, когда заканчивал второй курс. Его позвал режиссер Борис Рябикин в оперу «Молодая гвардия» на роль Вани Земнухова. Для студента Дима уже неплохо пел. Вообще, считаю, что голос – это Божий дар, Боженька поцеловал. Так вот, Диму он действительно поцеловал. Но в первые годы работы в театре он был «зеленым» в актерском плане.

Но у Димы было одно важное качество, которое он сохранял до конца жизни – стремление учиться. И Дима учился у всех. Он пропадал за кулисами постоянно. Даже когда ему не надо было выступать или репетировать, садился и наблюдал. Наблюдал, как другие артисты дышат, поют, следил за губами, движениями. Однажды на репетиции «Евгения Онегина» я репетировала роль Татьяны, читала письмо Татьяны Онегину. Он не участвовал, но он пришел, сел и слушал. После репетиции говорит: «Ларочка, я чуть не заплакал». Настолько он переживал каждую сцену. А ведь он тогда уже работал в театре несколько лет. Надо сказать, Дима очень быстро учился, развивался на глазах и вскоре стал настоящим профессионалом. А надо понимать, что работа у нас далеко не из простых, учиться надо много и всю жизнь.

– Как выстраивались отношения с коллективом театра у молодого Хворостовского?

– В начале 80-х годов у нас образовался, так сказать, возрастной «разрыв». Был костяк, который открывал театр, и молодой состав, к которому относился Дима. И Дима, конечно, общался больше с молодежью. Например, у него были друзья в балете.

У нас с ним 12 лет разницы, но меня ставили ему в пару. Я ему по фактуре подходила хорошо. Поначалу во время выступлений он стеснялся, я тогда была уже Заслуженной артисткой РСФСР. Но потом у нас на почве партнерства завязалась дружба. Я ему однажды сказала: «Не обращай внимания на меня как на Ларису Марзоеву. Я Недда из оперы «Паяцы». С этой оперы у нас и началась дружба. Она помогала нам на сцене, мы чувствовали отклик друг друга и друг другу доверяли. А в опере это очень важно – чувствовать отклик партнера.

В труппе реагировали на успехи Димы по-разному. Кто-то завидовал. Были те, кто говорил со скепсисом: «Ну-ну». Но многие восхищались и уважали. От него исходила непередаваемая энергетика, она чувствовалась в общении, и на сцене он вызывал доверие. Он был настоящим, он был хорошим другом.

Однажды мы открывали гастрولي спектаклем «Евгений Онегин». Поскольку это был премьерный состав, я не могла отказаться от спектакля из-за плохого самочувствия. У меня была высокая температура. Но, чтобы не подводить Диму, я вышла на сцену. По сценарию в конце нам надо было взяться за руки. После того, как Дима допел свою партию, он повернулся ко мне и с тревогой произнес: «Ларочка, ты такая горячая». Я призналась, что у меня температура. Но я считала, что надо было выступить и помочь Диме, а он переживал за мое здоровье.

Дима завязывал дружбу не с каждым. Если человек ему нравился, он со временем проникался к нему доверием и открывался. Если не нравился, то он с ним просто не общался. И это правильно для театральной среды. У нас тут разные люди работают. И от некоторых надо было защищаться. У Димы было обострено чувство справедливости. Он добивался правды, если кого-то незаслуженно притесняли. При этом он не конфликтовал ни с кем, слушал режиссеров.

Были те, кто относился к его творчеству со скепсисом, говорил: «Ну-ну...», были те, кто откровенно ему завидовал, а были артисты, которые уважали и восхищались им.

Один из баритонов произнес о Диме фразу, которую я запомнила на всю жизнь: «В его годы я так петь еще не мог, а сейчас уже не могу».

– Проявлялись ли у Дмитрия Александровича амбиции в первые годы работы? Рвался ли к славе?

– Он не говорил об этом. Но, возможно, и были такие мысли. Нет ничего плохого, чтобы мечтать о славе. Главное работать, а не просто хотеть. И он работал. Он хотел стать именно настоящим артистом. То есть, не называться звездой и заниматься самолюбованием, а расти в профессиональном плане. Однажды, когда он уже уехал из Красноярска, мы с ним встретились в Сеуле. Так совпало, что приехали туда в одно время. На концерте он пел арию князя Игоря из одноименной оперы. И я интуитивно чувствовала, что эта партия ему не по голосу – там более крепкий баритон нужен. Но он так красиво и грамотно исполнил эту арию, что я была в восхищении. Вот, мне кажется, он рвался не к славе, а к высотам, которые еще не покорял.

У Димы была огромная фонотека, он слушал очень много музыки, учил языки и тренировался. Ведь важную роль играет и физическая подготовка, так как она сказывается на дыхании. Например, полезно заниматься плаванием, чтобы правильно дышать.

Со временем не он у меня, а я у него начала учиться. Смотрела, как он дышит, чтобы тоже перенять его технику.

– Кто из певцов был идеалом Дмитрия Хворостовского?

– Этторе Бастьянини (великий итальянский оперный певец, родился в 1922 году, умер в 1967 году – ред.). Один раз Дима на свой концерт позвал моих студентов-баритонов. Одним из них был парень, который впоследствии стал довольно известным в Красноярском крае артистом. Он копировал Диму во всем: в речи, манерах. Я попросила Диму отговорить его от подражания. Дима подошел к нему и говорит: «Дурачок, слушай Бастьянини». Потом этот студент пришел на занятия и говорит: «Бастьянини поет как Хворостовский».

– **Став звездой мировой величины, как Дмитрий Александрович относился к Красноярску и нашему театру оперы и балета?**

– На одном из последних своих концертов здесь Дима мне признался, что волнуется. Я удивилась: «Дима, ты же на таких площадках выступал. По всему миру». Он ответил: «А здесь я волнуюсь».

Приезжая в Красноярск, он всегда полной грудью вдыхал местный воздух и говорил, что любит этот воздух. У нас сейчас не лучшая экология, раньше было куда хуже. Но красноярский воздух был Диме родным. Мы с ним и его семьей ходили на яхте по Красноярскому морю несколько раз, любовались окрестностями. Предчувствуя уход, он сказал: «Мне бы хотелось уйти в красноярскую тайгу и там умереть». Я тогда сказала: «Ты чего? Еще поживешь». Он ответил: «Может, и поживу».

Я до сих пор не верю, что Димы нет. Мы дружили 33 года.

Окна моего кабинета в Сибирском институте искусств, который носит имя моего коллеги и друга, выходят на его памятник. И я вижу Диму каждый день. Таким, каким он был на сцене. И у его ног всегда свежие цветы как во время концерта.

СПРАВКА МК В КРАСНОЯРСКЕ

Лариса Владимировна Марзоева

Родилась в 1949 году.

Оперная певица (сопрано). С 1984 года – Заслуженная артистка РСФСР, с 2003 года - Народный артист России.

Окончила вокальный факультет Ленинградской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова

Солистка Красноярского государственного театра оперы и балета имени Д.А. Хворостовского, заведующая кафедрой сольного пения Сибирского государственного института искусств имени г. Хворостовского.

В 1994 году приглашена Валерием Гергиевым исполнить партию Людмилы в постановке «Руслана и Людмилы»; гастролеровала с Мариинским театром за рубежом. Проводит занятия для певцов в России и других странах.

[«Хотел не называться, а быть»: Оперная певица рассказала о работе Хворостовского в Красноярске - МК Красноярск \(mk.ru\)](#)